

Бочило Ирина

Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

**ЭТНИЧЕСКИЕ МЕНЬШИНСТВА БЕЛАРУСИ:
МЕСТО И ОБРАЗ В МАЛЫХ ЖАНРАХ ФОЛЬКЛОРА**

С давних времён на белорусских землях происходили интенсивные процессы межэтнической коммуникации. Особенное географическое положение способствовало появлению здесь ещё в эпоху Средневековья и Нового времени представителей крупных этнических групп. Опыт взаимодействия белорусского этноса с ними нашёл своё отражение в малых жанрах фольклора. Пословицы и поговорки, связанные с темой этнических меньшинств, разделены на две группы. Каждая группа рассматривается отдельно. В заключении подчеркивается актуальность и возможности использования фольклорных жанров в исследовании проблемы этнических меньшинств Беларуси.

Ключевые слова: этнические меньшинства, белорусы, малые жанры фольклора, пословицы, поговорки

История появления многих из ныне представленных этнических меньшинств в Беларуси уходит своими корнями в эпоху Средних веков и Нового времени. Одной из важнейших причин формирования пёстрой этнической структуры является толерантность общества Великого Княжества Литовского. Это в значительной степени предопре-

делило формирование впоследствии устойчивых традиций этнической терпимости, действующих и сегодня [6, с. 112].

Среди многочисленных жанров устного народного творчества белорусов значительную роль в осмыслении образа *чужого* сыграли поучительные и мудрые своей морально-практической философией пословицы и поговорки [17, с. 13]. Они являются наиболее удачным и содержательным источником для изучения образа этнических меньшинств, их отношений с белорусским этносом. Во-первых, являясь самыми короткими по форме, они в то же самое время, точно и чётко передают информацию. Во-вторых, в отличие, например, от легенд и сказок, им не свойственны элементы фантастики, поскольку они основываются на синтезировании реальных явлений, типизации конкретных фактов из жизни общества. В-третьих, будучи атрибутом живого народного разговора, этот жанр является самым распространённым и многочисленным [7, с. 21]. Так, основным источником возникновения пословиц были разнообразные жизненные наблюдения, исторические ситуации, черты характера людей. Причем подобные наблюдения очень часто велись на основе антиномии *мы – они, свои – чужие*. Границей в данной антиноме могли быть родственные связи, социальное равенство, внешние характеристики. Каждый народ стремится осознать себя, своё место в истории и культуре. Нарисовать себе портрет *чужого* – соседа, иноземца или иноверца – это значит в некоторой степени осознать самого себя, свою уникальность и особенность. В народной культуре отношение к представителям других этносов очень часто определяется через понятие этноцентризма, когда *свои* традиции, *своя* религия, *свои* обычаи и *свой* язык воспринимаются как единственно *настоящие* и *правильные*: «Свой свайму паняволі брат», «Свой хоць над вадою патрасець, але ж у ваду не ўнясець» [15, с. 139].

Образ *чужого* формируется как общие знания относительно религии и быта, обрядов и ритуалов, языка и верований этнических меньшинств. В народном сознании *чужак* – это представитель иноэтнической общности, соотносимый с категорией «другого мира» в отличие от «коренных», «местных». Одна из главных черт чужака – иноязычие – соответствовало немоте или природному непонятному языку [16, с. 213]. Чужакам также очень часто приписывались разнообразные недостатки физического, интеллектуального и морального плана. Считалось, что в отличие от «людей», у евреев нет души, а только «пар», как у животных [2, с. 557–559]. Отличия чужаков лежат в их соотношении с нечистой силой. В белорусском фольклоре чёрт очень часто выступает в образе, например, «чёрного маскаля». Чужаку приписывались и сильные магические способности. В белорусских за-

говорах как вредительское фигурирует «вока цыганскае, жыдоўскае, татарскае, маскоўскае». Предполагаемая связь чужаков с нечистой силой делала категорически недопустимым их участие в ритуалах календарного и семейного циклов.

На формирование фольклорного образа *чужого* влияла модель культурного соседства, которая сложилась в том или ином регионе. Например, для становления комплекса стереотипных представлений о евреях было немаловажным, в какой среде они формировались – среди жителей местечек с доминирующим еврейским населением или в сельской местности, где немногочисленные еврейские семьи жили в окружении соседей-славян [3, с. 39].

Представления о *чужой* вере и *чужом* народе находят отражение в фольклорных произведениях [3, с. 8], причем представители каждого из существующих в Беларуси меньшинств, наделялись своим особенным комплексом характеристик. Всю совокупность такого рода пословиц и поговорок можно условно разделить на две группы.

- Высказывания, которые передавали наиболее специфические качества характера и поведения.

Благодаря длительным наблюдениям, тесным контактам, белорусы тонко подмечали основные качества тех, с кем они имели дело. Наиболее ярким и распространённым персонажем белорусского фольклора является еврей. Представители этой этнической группы, по представлениям белорусов, являлись особами хитрыми, готовыми на многое ради личной выгоды – «Жыд на тоя на свеці, каб дабро ні заліжала ў клеці» [12, с. 12]; нередко мстительными – «Як бог да Шлёмки, гэтак і Шлёмка да Бога» [1, с. 126]. К слову крайняя пословица, по мнению некоторых специалистов, происходит из сказки: Шлёмка попросил у Бога, чтобы тот помог спастись от рекрутчины, но парня споймали и отдали служить. После этого Шлёмка в субботу взял топор и начал рубить дрова. На замечание, что это грех, ответил: «Як бог да Шлёмки, гэтак і Шлёмка да Бога» [4, с. 66]. Часто белорусы характеризовали евреев как людей, умеющих искусно льстить – «Ходзіць жыдок ходарэм перад панам Хведарам» [1, с. 217]; любителей излишнего самохвальства – «Кожны жыдок хваліць свой крамок» [1, с. 55].

Некоторые представления о явлениях природы также связываются с евреями (дождь при солнце – *жыдоўскі дождж*). Во время обряда вызывания дождя на Полесье в колодезь бросали горшок, украденный у соседей-евреев, обливали евреев водой (д. Барбаров Мозырского р-на). Для народной демонологии характерны представления о

евреях – знахарях, представления о хапуне (чёрт хватает еврея в судную ночь) [2, с. 174].

Отдельное место в белорусском фольклоре занимают цыгане. Первые исторические свидетельства о появлении этнической группы цыган на землях Беларуси относятся ко второй половине XV – первой половине XVI в. Основное направление миграционных потоков шло с юга и запада – через территории Украины и Польши из Румынии, Венгрии, Германии, Турции, Армении и др. В документах того времени их называли иногда «египтянами», «филистимлянами из малого Египта», а также «цыганами» [8, с. 658]. Селились они на окраинах местечек и городов, где существовали хорошие условия для торговли, ремесла и так называемого цыганского промысла – гадания, знахарства и пр. Власти ВКЛ и Речи Посполитой подозрительно относились к цыганам. Тем не менее последние находились под охраной шляхты, заинтересованной в талантливых коневодах, кузнецах и дрессировщиков диких животных. Народный же опыт наделяет цыган следующими качествами:

- плутовство – «Цыган спосабам хату спаліў» [17, с. 289];
- находчивость, хитрость, выносливость, стойкость, умение приспособливаться к различным обстоятельствам – «Цыган як галея, дык смялея» (бедность придаёт смелости) [1, с. 116]; «Цыган і пад бараной укрыецца» (укрывался от дождя) [10, с. 128];
- хвастовство – «Кожны цыган сваю кабылу хваліць» [1, с. 55];
- способность на обман – «Цыган цыганьскую й прауду гавора» [12, с. 57].

Своё представление сформировалось и относительно быта цыган. Так, белорусы в шутку называли луну «цыганскім сонцам»: *Ты цыганскаму сонцу навер і спакою істотай даверся, адгадаеш тады на траве, што пад ёй і што ў небе наверху*. Выражение рассказывает о привычной жизни цыган, которые ночевали в шатрах или под открытым небом, переезжали на новое место, особенно летом, при свете луны и для них «ноч – матка: усё гладка» [9, с. 146].

• Изречения, которые отражали социальное положение представителей различных этнических меньшинств.

На протяжении всей своей истории белорусы, как и остальные славянские народы, с уважением и искренностью относились к труду. Неслучайно народная мудрость поучает: «Работа не бячэсціць чалавека, а крэпіць і цешыць», «Без працы не есці пірагоў» [14, с. 164–182]. При этом традиционным занятием белорусов было земледелие: «Зямля – талерка: што пакладзеш, тое і возьмеш» [5, с. 47], «Паміраць

збірайся, а жыта сей» [13, с. 16–17]. Именно трудолюбие и уважение к земле являлись одним из важнейших критериев, посредством которого белорусы выстраивали свои отношения с представителями этнических меньшинств. Отсюда специфическая, отличная от земледелия, деятельность цыган (кража лошадей, магия) и евреев (корчмарство, ростовщичество, торговля) также приобретали для белорусов знаковую форму. Считалось, что приобретенное у евреев или цыган «у руку не пойдзе».

Особое отношение было к татарам, которые появились на белорусских землях ещё в XIV в. Великие князья литовские приглашали их из Золотой Орды и Крыма для военной службы и использовали в борьбе с Тевтонским орденом. В белорусском фольклоре и микротопонимике сохранился образ татарина как врага [2, с. 503]. Однако, стоит отметить, что татарское меньшинство не было социально однородным. Отдельную группу составляли потомки военнопленных, которые жили в основном в городах и местечках в так называемых «татарских вулицах», «татарских канцах» и занимались различными ремёслами. О татарах Минской губернии говорили «Татары – добрыя гаспадары», отмечая также, что усадьба татар всегда была ограждена и имела ухоженный, хоть и небольшой, огород и сад [12, с. 45].

Основной пласт пословиц и поговорок, которые рассказывали о занятиях и положении представителей этнических групп в белорусском обществе, чаще всего касался евреев. Первая зафиксированная историческими документами миграционная волна евреев на территорию Беларуси наблюдалась во второй половине XIV – начале XV вв. Великие князья литовские рассматривали евреев как влиятельное финансовое сообщество, поддержка которого была экономически выгодной. Это нашло отражение и в белорусском фольклоре: «За тым жыд і на свеці жывець, што грошы маець» [12, с. 12]. Преимущественная часть еврейского меньшинства занималась мелкой торговлей и ремеслом. В этой деятельности они проявляли себя как особы способные и талантливые: «Крамар як камар: дзе сядзе, там і п’е». Значительной и особенной прослойкой были еврей-шинкари. Принуждение крепостного крестьянина пить спиртное только в панских корчмах, которые в свою очередь арендовали евреи, нередко для последних являлось «золотым» источником обогащения [11, с. 19]: «Карчмарова вока і праз лахманы грыўню бачыць» [15, с. 353]. В белорусском фольклоре сложился устойчивый образ еврея как главной причины появления водки в Беларуси и подчинения через неё крестьян пану [11, с. 20]: «Жыд хоць і махлюя, але гарэлкай частуе» [12, с. 12, 61]. Торговля алкоголем приближала евреев к нечистой силе. Согласно

фольклорной традиции, начальным местонахождением евреев был ад, откуда их за бутылку водки выпустил пьяница, после чего они расселились по всей земле. Однако и после смерти еврей не может попасть в рай и опять оказывается в аду: «Пана гром забіў, жыда чорт ухапіў» [2, с. 557–559].

С конца XVIII в. отношение властей к евреям меняется, они лишаются части своих былых привилегий. В соответствии с законом о черте еврейской оседлости 1794 г. евреям запрещалось заниматься сельским хозяйством, а также предписывалось селиться исключительно в городах и местечках. Наиболее ярко суть этого закона передается в следующей белорусской пословице: «Нядобра, калі жыд пазная грунт, а мужык пазная хунт» [1, с. 73]. В целом же всякое отношение категории чужака к аграрному циклу воспринималось коренным населением как небезопасный фактор. Так, когда при сборах на поле встречался еврей, работу нужно было отменить и перенести на другой день. В противном случае вместо зерна магли вырасти только одни сорняки [2, с. 557–559].

Чаще всего героями белорусских пословиц и поговорок становились евреи и цыгане, реже – русские, поляки, украинцы. Во-первых, похожие по культуре и образу жизни славяне могли входить в категорию *своих*. Так, например, исторические источники не всегда выделяют украинское население на территории Беларуси. Украинцы чаще всего идентифицировались с белорусами под одним этнонимом «русiны» и одной религиозной принадлежности (православной или униатской). Однако традиционная культура украинских переселенцев имела специфические черты и отличалась от белорусской. Эти особенности наблюдаются в этническом самосознании: белорусы чаще называли соседей «хахламі», а украинцы белорусов – «ліцвінамі» или «літвакамі».

Во-вторых, основным критерием отнесения к категории *своих* был ещё и показатель религии. Фактор конфессиональной принадлежности вообще отыгрывает в системе ценностей народной культуры важную роль. Принадлежность к доминирующей конфессии является для представителей любого этноса главным условием того, что он – неотъемная часть *своего* народа. Именно поэтому в фольклорных представлениях о *своей* вере и о *своем* народе конфессиональный признак очень часто идентифицируется с признаком этничности [3, с. 76]. Так и для белорусов все, кто исповедовали одну с ними религию, могли относиться к категории *своих*. Соответственно евреи, которые исповедовали иудаизм, и «цыгане-атеисты» в эти ряды не попадали.

Русские чаще фигурируют в белорусском фольклоре как христиане в целом [2, с. 435].

Пословицы и поговорки обозначенных вариантов могли использоваться в разных обстоятельствах. С одной стороны, с их помощью названные особенности могли переноситься на всех представителей этнического меньшинства, даже когда отдельным его членам они не были характерны. Так, образ хитрого еврея и лентяя-цыгана становился собирательным. С другой стороны, перенос мог происходить и в отношении *своих*, когда они владели обозначенными в пословицах и поговорках специфическими качествами.

Таким образом, фольклорные произведения, в частности малые жанры, в их образно-языковом воплощении – это факты народного видения мира, факты культурного бытия этноса. На протяжении веков они не только жили среди своих создателей, но и реагировали на изменения в самых разнообразных сферах человеческой жизни. В них отражено понимание окружающего мира и социальной действительности, где отдельное место занимали различные этнические меньшинства со своей особенной культурой. Пословицы и поговорки, как иные вербальные формы народной культуры, являются универсальной системой выведения ценностей, сформированных на художественно-образном уровне, на уровень понятийно-рациональный, открывают исследователям дополнительный ракурс для научного взгляда на образ отдельных этнических меньшинств и межэтнических отношений в Беларуси.

1. Аксамітаў, А. С. Прыказкі і прымаўкі: Глумачальны слоўнік беларускіх прыказак і прымавак з архіваў, кафедраальных збораў, рэдкіх выданняў XIX і XX стст. / А. С. Аксамітаў. – Мн.: Беларуская навука, 2000. – 320 с.

2. Беларуская міфалогія / склад. І. Клімковіч. – Мн.: Беларусь, 2006. – 599 с.

3. Белова, О. В. Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции / О. В. Белова. – Москва: Индрик, 2005. – 287 с.

4. Бласлаўлёнай зямлі неўміручыя скарбы: Народная духоўная культура Лагойшчыны: у 3 кн. / пад агул. рэд. В. С. Новак (гал. рэд.), А. А. Кастрыцы, С. А. Вяргеенка, В. К. Шынкарэнка; М-ва адукацыі РБ, Гомельскі дзярж. ун-т імя Ф. Скарыны. – Гомель: ГДУ імя Ф. Скарыны, 2013. – Кн. 3 – 186 с.

5. 3 вечнага: зборнік фальклорна-этнаграфічных матэрыялаў Случчыны / Міністэрства культуры БССР, Рэспубліканскі навукова-метадычны цэнтр культуры; [збіральнік Р. В. Родчанка]. – Выд. 2-е, дапоўненае. – Мінск: РНМЦ культуры, 1990. – 62 с.

6. Захаркевич, С. А. Основные формы адаптации этнических меньшинств Беларуси в иноэтнической среде в XIV–XVIII вв. / С. А. Захаркевич // Российские и славянские исследования: науч. сб. / редкол.: А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2012. – Вып. 7. – С. 112–116.

7. Касько, У. К. Палескі дзівасіл: Беларускія народныя прыказкі, прымаўкі, выслоўі: са скарбніцы А. К. Сержпутоўскага / У. К. Касько. – Мн.: Вышэйшая школа, 2005. – 383 с.
8. Кто живёт в Беларуси / Нац. Акад. Наук Беларуси, Ин-т искусствоведения, этнографии и фольклора им. К. Крапивы; науч. Ред. А. И. Локотко. – Мн.: Беларус. Навука, 2012. – 799 с.
9. Лепешаў, І. Я. Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў / І. Я. Лепешаў. – Мн.: Народная асвета, 1981. – 160 с.
10. Ліцвінка, В. Д. Слова міма не ляціць / В. Д. Ліцвінка, Л. А. Царанкоў. – Мн.: Універсітэцкае, 1985. – 156 с.
11. Лобач, У. Да гісторыі фармавання негатыўнага этнастэрэатыпа адносна яўрэяў на Беларусі // Нацыянальныя меншасці Беларусі: матэрыялы 1-й Нац. навук.-практ. канф., 21–22 мая 1996 г. – Брэст-Мінск-Віцебск: Рэспубліканскі цэнтр нацыянальных культур, 1996. – Кн. 2: Нацыянальныя меншасці і міжэтнічныя зносіны на Беларусі ў святле гістарычных фактаў. – С. 16–21.
12. Ляцкий, Е. А. Материалы для изучения творчества и быта белорусов. I. Пословицы, поговорки, загадки / Е. А. Ляцкий. – Москва: Университетская типография, 1898. – 63 с.
13. Мудрасць жыцця / [укладальнік А. І. Гурскі]. – Мн.: Мастацкая літаратура, 2007. – 93 с.
14. Прыказкі і прымаўкі: у 2 кнігах / АН БССР І-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору; рэд. А. С. Фядосік. – Мн.: Навука і тэхніка, 1976. – Кн. 1. – 556 с.
15. Прыказкі і прымаўкі: у 2 кнігах / АН БССР І-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору; рэд. А. С. Фядосік. – Мн.: Навука і тэхніка, 1976. – Кн. 2. – 615 с.
16. Славянская мифология / Ин-т славяноведения и балканистики Рос. АН. – М.: Эллис Лак, 1995. – 414 с.
17. Янкоўскі, Ф. М. Беларускія народныя прыказкі і прымаўкі / Ф. М. Янкоўскі. – Мн.: Выдавецтва Акадэміі навук БССР, 1957. – 451 с.

THE ETHNIC MINORITIES OF BELARUS: PLACE AND IMAGE IN THE SMALL GENRES OF FOLKLORE

Iryna G. Bachyla

PhD, Belarusian State University, Minsk, Belarus, bochilka@yandex.ru

: Intensive processes of inter-ethnic communication took place in the Belarusian lands since the ancient times. The special geographical location contributed to the appearance of representatives of large ethnic groups in the Middle ages and Modern times. The experience of interaction of the Belarusian ethnic group with them has found its expression in small genres of folklore. The author divides the entire set of works of small genres of folklore related to the theme of ethnic minorities into two groups. Each group of proverbs and sayings is considered separately. In conclusion, the author emphasizes the relevance and possibilities of using folklore genres in the study of the problem of ethnic minorities of Belarus.

Keywords: ethnic minorities, Belarusians, small genres of folklore, proverbs, sayings.